
УДК 81' 373. 47

ББК 81.411.2 – 3

Р 93

Рыбакова А.А.

Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры педагогики и технологий дошкольного и начального образования Армавирской государственной педагогической академии, e-mail: annfisher@mail.ru

**Жанрово-стилистическое использование
экспрессивно-оценочной лексики
в русских эпиграммах XIX века
(Рецензирована)**

Аннотация:

Анализируется экспрессивно-оценочная лексика, используемая в русских эпиграммах XIX века и являющаяся одним из основных признаков исследуемого жанра. Доказывается, что широкое употребление разговорных и просторечных языковых средств в эпиграммах связано с наличием у них экспрессивно-оценочных значений, посредством которых создается обличительная характеристика адресата.

Ключевые слова:

Эпиграмма, жанр художественной речи, экспрессивно-оценочная лексика.

Rybakova A.A.

Candidate of Philology, Senior Lecturer of Department of Pedagogy and Technologies of Preschool and Primary Education, the Armavir State Pedagogical Academy, e-mail: annfisher@mail.ru

**A genre-stylistic use of expressive and estimated lexicon
in Russian epigrams of the 19th century**

Abstract:

In this paper, the author analyzes the expressive and estimated lexicon used in the Russian epigrams of the 19th century, which is one of the main features of the genre under study. It is proved that extensive use of spoken and colloquial language in epigrams is associated with the presence of expressive and estimated meanings in them by which the author creates the revealing characteristic of the addressee.

Keywords:

Epigram, genre of fiction speech, expressive-estimated lexicon.

В XIX веке в русской литературной среде эпиграмма становится одним из самых популярных художественно-словесных жанров. Многие эпиграммы публиковались авторами в журналах, другие в условиях жесткой цензуры распро- странялись в рукописной форме, передавались из уст в уста. Эпиграмма того времени зачастую использовалась в литературной полемике и политической борьбе с целью сатирического обличения адресата. Целевое назначение эпиграммы как

жанровой формы художественной речи, особенности ее композиционной структуры определяют широкое использование в ней экспрессивно-оценочной лексики разговорного и просторечного характера.

Проанализируем различные взгляды на категории экспрессивности и оценочности в лингвистике. Многие исследователи рассматривают экспрессивность в тесной связи со стилистической и эмоциональной окраской языковых средств. По мнению В.Д.Бондалетова, «экспрессивная окраска – это разновидность стилистической окраски, указывающая на характер и степень выраженности качественных или количественных признаков называемого явления (объекта, лица, действия, состояния, и т. д.)» [1: 18]. Некоторые ученые сужают понятие экспрессивности до эмоциональности. Как отмечает Г.П.Князькова, в исследованиях стилистического плана «ряд исследователей отождествляют понятия «экспрессивность и эмоциональность» [2: 153]. Экспрессивность понимается и в широком смысле, как усиление выразительности и изобразительности, увеличение действующей силы сказанного. В связи с этим термин «экспрессивность» употребляется часто как синоним «выразительности» [3: 115]. Наличие разных точек зрения, разного понимания экспрессивности свидетельствует не только и не столько о противоречиях между разными концепциями, сколько о сложности самого явления и возможности разных подходов к его исследованию. Экспрессивность связана и с семантикой разных языковых единиц (слов, фразеологизмов, синтаксических конструкций и т.д.), и с их стилистической окраской, употреблением в речи, и с взаимодействием различных языковых средств в тексте. Поэтому при анализе текста, особенно художественного текста, экспрессивность целесообразно рассматривать в широком смысле, как категорию, в которой объединяются все разновидности экспрессивных средств, определяющих эстетическое воздействие художественного текста на читателя. Именно поэтому, как от-

мечает В.Н.Телия, «в лингвистике наиболее распространено такое понимание экспрессивной окраски, которое вбирает в себя все её способы – стилистический, эмоциональный, оценочный, образный и т.д., отсюда – обилие терминов и их дефисных комбинаций (эмоционально-экспрессивное, экспрессивно-эмоциональное, экспрессивно-стилистическое, интенсифицирующее, оценочно-экспрессивное, а также – коннотативное)» [4: 11]. Экспрессивность и в нашем исследовании понимается широко: как выразительность, обусловленная комплексом самых различных языковых и контекстуально-речевых средств.

Неодинаково понимается учёными и категория оценочности, соответственно разное содержание вкладывается в термин «оценочность». Ряд учёных рассматривают оценочность прежде всего в связи с проявлением эмоциональности. Так, по мнению Л.А.Киселевой, «оценочность как языковая категория – это выражение в речи эмоционального отношения, вызванного сложившимся мнением о предмете высказывания. Эмоциональность и оценочность соприкасаются, но не совпадают. Эмоциональные слова, а именно эмоциональные междометия и частицы, не содержат оценки: оценочные же слова, т.е. те, которым свойственна оценка, обычно эмоциональны» [5: 385]. Несколькими иначе, в широком функциональном плане рассматривает категорию оценочности В.К.Харченко: «Под оценочностью понимается заложенная в слове положительная или отрицательная характеристика человека, предмета, явления. Наличие «плюса» или «минуса» в значении слова – важнейший показатель оценки» [6: 66]. В данном исследовании мы выбираем широкий подход в рассмотрении оценочности, следуя за В.К.Харченко.

Экспрессивность и оценочность в художественном тексте органически взаимосвязаны, что обусловлено не только структурной целостностью текста, свойственной ему общей модальностью, но

и тесной взаимосвязью этих явлений на уровне семантики отдельно взятых языковых единиц. Экспрессивно-оценочная окрашенность понимается нами при анализе эпиграмм в широком смысле, то есть включает все стороны речевой выразительности (семантика, стилистическая окраска, употребление в речи различных языковых единиц) и оценочности.

С позиций лингвостилистики при исследовании любого жанра, в том числе и эпиграммы как жанровой формы художественной речи, важно, прежде всего, выявить и охарактеризовать основные ее стилеобразующие признаки: историческую закрепленность за соответствующим функциональным стилем, целевое назначение жанра, содержание и характер речевой ситуации. Из них целевое назначение эпиграммы является главным стилеобразующим фактором. На уровне речевой структуры жанра целевое назначение как раз и проявляется в особой экспрессивно-оценочной окрашенности, которая способствует объединению текста в художественное целое, как это следует из высказываний М.Н.Нестерова [7: 40].

Анализируя особенности жанра сказки, И.В.Цикушева отмечает, что «наибольшее разнообразие языковых средств комического эффекта наблюдается на лексико-семантическом уровне» [8: 87]. Главную роль в создании экспрессивно-оценочной тональности текста в жанре эпиграммы также играют лексические эмоциональные средства, которые одновременно являются, как правило, и оценочными. Исследователями отмечается, что экспрессивно-оценочная лексика особенно широко используется в жанрах художественной лирики. Однако, если в исповедальных жанрах, таких как лирическое стихотворение, песня, частушка, преобладают ключевые лексические семы с положительной, мелиоративной оценкой, то в жанре эпиграммы основными стилеобразующими доминантами выступают слова с пейоративной, то есть от-

рицательной оценкой – прилагательные, существительные, различные глагольные формы.

Основу жанровой сатирико-юмористической стилистики эпиграмм составляет общелитературная лексика с негативной экспрессивной оценкой, но в эпиграммах могут встречаться разговорные и просторечные слова и выражения. Однако в XIX веке просторечное и разговорное в современном понимании еще не было размежевано, так как начавшаяся в эпоху Пушкина нормализация русского литературного языка на общенародной основе не была завершена. Поэтому применительно к XIX веку целесообразно говорить о просторечных и разговорных языковых средствах как взаимосвязанных, еще не размежеванных категориях, составляющих в совокупности «народное просторечие» и характеризующихся ярко выраженной экспрессивностью.

Именно с наличием у разговорных и просторечных языковых средств ярких пейоративных оценочных значений, эмоционально-экспрессивных оттенков негативного характера связано широкое употребление их в эпиграмме как жанровой форме художественной речи. Открытая негативная характеристика адресата дается, прежде всего, прилагательными. Нередко прилагательные дают негативную характеристику в самом начале эпиграммы: *Мрачен лик, взор дико блещет, // Ум от чтенья извращен, // Речь парадоксами хлещет, // Се Григорьев Аполлон!* (Б.Н.Алмазов); *Как ни хвали его усердный круг друзей, // Плохой поэт был их покойник; // А если он и соловей, // То разве соловей-разбойник* (П.А.Вяземский); **На П.И Шаликова:** *Плохой поэт, плохой чужих трудов ценитель, // Он пишет пасквили бог знает для чего, // И если не сказал, что он их сочинитель, // То плоская их злость сказала за него* (А.И.Писарев).

В других случаях прилагательные с пейоративной оценкой служат доминантной экспрессивной концовочной ча-

сти: *Довольно из твоих мы грома слышим уст: // Шумишь, как барабан, но так же ты и пуст* (В.И.Майков); *Шихматов! Почтальон! Как не скорбеть о вас?//Признаться надобно, что участь ваша злая: //у одного нога хромая, //А у другого хром Пегас* (В.Л.Пушкин); **К бюсту Николая I: Оригинал похож на бюст: //Он так же холоден и пуст** (Неизвестный автор).

В двустрочных и четырехстрочных эпиграммах пейоративные определения могут быть экспрессивными доминантами обеих частей: *Он в идее вечно жаден, //А в конкрете он свиреп, //Догматически нескладен // И практически нелеп* (А.А.Фет); *Под холодной кочкой сей Вралева хладный прах, // Бог с ним! Он был и сам так холоден в стихах* (И.И.Дмитриев). В многострочных эпиграммах прилагательные с пейоративной оценочностью в сочетании с другими средствами нередко пронизывают собой весь текст. Например, в эпиграмме А.С.Пушкина на Каченовского: *«Как! жив еще Курилка журналист?»// - Живехонек! все также сух и скучен, //И груб, и глуп, и завистью размучен, //Все тискает в свой непотребный лист – //И старый вздор, и вздорную новинку»// - «Фу! надоел Курилка журналист! //Как загасить вонючую лучинку? //Как уморить Курилку моего? //Дай мне совет» - Да... плюнуть на него» (А.С.Пушкин). Адресат в эпиграмме «*сух и скучен, и груб, и глуп*», «*все тискает в свой непотребный лист*», «*и старый вздор, и вздорную новинку*», «*курулка журналист*», наконец, саркастически уподобляется «*вонючей лучинке*».*

Используются в эпиграммах и прилагательные с положительной оценочностью. Однако с мелиоративной оценкой прилагательные употребляются, как правило, для экспрессивного контраста. Обычно они предшествуют резкой негативной оценке в конце эпиграммы: *Ты недостаток головы //Лицом прекрасным прикрывала. //Краса прошла, и ты, увы, //Теперь глупа без покрывала*

(С.А.Неелов); *Всё пленяет нас в Эсфире: //Упоительная речь, //Поступь важная в порфире, //Кудри черные до плеч, //Голос нежный, взор любви, //Набеленная рука, //Размалеванные брови // И огромная нога!* (А.С.Пушкин). Или предшествуют прямому отрицанию положительного качества: *«Климена ужась как прекрасна и мила!» - «Была!»* (Б.К.Бланк).

В конце эпиграммы прилагательные с положительной оценочностью могут употребляться лишь при ее отрицании. Например, в эпиграмме на поэму С.А.Ширинского-Шихматова «Петр Великий»: *Какое хочешь имя дай // Твоей поэме полудикой: //Петр длинный, Петр большой, но только Петр Великой - // Ее не называй* (К.Н.Батюшков). Аналогична эпиграмма Каратыгина на драму об Иване Грозном: *Васильев в «Грозном» мог смешить, //Но вряд ли повод даст к суждениям серьезным: //Иваном грязным он и грузным может быть, //Но мудрено ему быть грозным* (П.А.Каратыгин). Саркастическую оценку, как видим, в эпиграммах дают прилагательные *длинный, большой и грязный, грузный*, которые подчеркивают слабость названных произведений. Сравните также употребление в конце эпиграммы прилагательных *прекрасна и мила* к лицу, которое в самом начале оценено как «мерзкая харя»: *«Не знаете ль, сударь, скажите, кто такая //Та харя мерзкая, что подле вас была?» - «Она, сударыня ... моя сестра родная». - // «Ах, боже, как она прекрасна и мила!»* (Г.А.Хованский).

Для создания негативной характеристики адресата в эпиграммах широко используются имена существительные с пейоративной оценочностью. Многие из них являются общеупотребительными – стилистически не ограниченными: *Демид, под одою своей, боясь Зоила, //Ты имени не подписал. // Но глупость за тебя к ней руку приложила, // И свет тебя узнал* (В.Жуковский); *Есть русская пословица одна: //Что всякий и в гря-*

зи на золото укажет; // Но, видя Кличкина, невольно всякий скажет: // Что грязь и в золоте видна (Г.В.Станкевич); Читая брань иных писак, // В них видя злобу, а не шутку, // «Смешно, - сказал один чудак, - // Они идут с Парнаса – в будку» (В.С.Филимонов); Когда б предвидели Мефодий и Кирилл, // Какою чепухой их будут славить внуки, // Они б не тратили ни времени, ни сил, // Стараясь преподать им Аз и Буки (Ф.Е.Корш).

Но большая часть распространенных в эпиграммах XIX века пейоративных имен существительных являются стилистически ограниченными, преимущественно разговорными и просторечными: *Перо, чернила и бумага, // Да безрассудная отвага – // И Бардус журналист: // В неделю публике вранья печатный лист* (П.И.Шаликов); *За деньги лгать и клясться рада // Ты, как безбожнейший торгаш; <...>* (К.К.Павлова); «Что ж нового?» – «Ей-богу, ничего». // – «Эй, не хитри: ты, верно, что-то знаешь. // Не стыдно ли, от друга своего, // Как от врага, ты вечно всё скрываешь. // Иль ты сердит: помилуй, брат, за что? // Не будь упрям: скажи ты мне хоть слово...» // – «Ох! отвязжись, я знаю только то, // Что ты дурак, да это уж не ново» (А.С.Пушкин); *Князь Г – со мною незнаком. // Я не видал такой негодной смеси; // Составлен он из подлости и спеси, // Но подлости побольше спеси в нем. // В сраженьи трус, в трактире он бурлак, // В передней он подлец, в гостиной он дурак* (А.С.Пушкин). Использованная отрицательно окрашенная разговорная и просторечная лексика «негодная смесь», «подлость», «спесь», «трус», «подлец», «дурак» красноречиво отражает одноплановую экспрессивную тональность эпиграмм.

Очень часто в эпиграммах XIX века используются и другие просторечные слова с грубой оценочной семантикой, как «болван», «урод»: *Бранись, ворчи, болван болванов, // Ты не дождешься, друг мой Ланов, // Пощечин от руки моей. // Твоя торжественная рожка // На бабье гузно так похожа, // Что только*

просит киселей (А.С.Пушкин). Оценочная семантика и экспрессия разговорных и грубо-просторечных выражений «болван болванов», «не дождешься пощечин», «торжественная рожка», «бабье гузно», «просит киселей» создает резкую негативную характеристику адресата.

Во многих случаях адресат назван уродом за неудачный перевод литературного произведения: *Вдали от храма муз и роцей Геликона // Феб мстительной рукой сатира задавил; // Воскрес урод и отомстил: // Друзья... он душит Аполлона!* (К.Н.Батюшков); *То-то сечь, то-то драть бы, // С приговоркой: «Ах, урод! // Не венчай печальной свадьбы! // Не берись за перевод!»* (А.И.Писарев); *Как на французов зол Хвастон! // Не могли бить живых, терзает мертвых он // Без милосердия ужасным переводом: // Расин стал от него теперь урод уродом* (А.Е.Измайлов). Первая из приведенных эпиграмм принадлежит К.Н.Батюшкову, которую он адресует А.Ф.Мерзлякову, выполнившему перевод «Эклог» Вергилия. Автор эпиграммы воспроизводит мифологический сюжет, действие которого разворачивается на Геликоне (горе в Греции, где обитали музы): сатир Марсий вызвал Аполлона на состязание в игре на флейте, но разгневанный бог повесил его на сосне и содрал с него кожу. Вторая эпиграмма А.И.Писарева вызвана переделкой А.Г.Ротчевым трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта» («Ромео и Юлия»). В третьей эпиграмме А.Е.Измайлов прямо не называет уродом Д.И.Хвостова, который перевел трагедию Расина «Андромаха», но подразумевает это, говоря: «Расин стал от него теперь урод уродом». В приводимой ниже эпиграмме А.Д.Илличевского слово «урод» сочетается со словом «пресовершенный», что усиливает негативную экспрессию: *Кто смеет разглашать в народе, // Что совершенства нет в природе? // Вступишь за честь свою, Герод! // Явись и докажи собою, // Что ты и телом и душою // Пресо-*

вершеннейший... урод (А.Д.Илличевский).

В эпиграммах часто используются слова обиходной разговорной речи с резкой негативной оценочностью, такие как *глупец, подлец, лжец, пошлец, идиот, злодей* и другие: «Коварный», «Новый Стерн» – пигмеи! //Они незрелый плод творца, //Но «Полубарские затеи» – //Затеи полного глупца (П.А.Вяземский); *Бесстыдный лжец, презрительной рукой //На гибель мне ты рассеваешь вести; //Предвижу я: как Герострат другой, //Бесчестьем ты добиться хочешь чести; //Но тщетен труд: я мстительным стихом //Не объявлю о имени твоём. //Язви меня, на вызов твой не выйду, //Не раздражишь молчание певца; //Хочу скорей я претерпеть обиду, //Чем в честь пустить безвестного глупца (П.А.Вяземский); Сбираясь в путь, глупец почетной // (Не знаю где, у нас или нет) //Кричал в беседе доброхотной, //Что бросит тысяч сто охотно //С тем, чтоб узнать людей и свет <...> (Вяземский); *Михайло Никифорыч старый, // Варвары Акимовны сын, //Теперь вы полезли в бояре, //Теперь вы большой дворянин. // Недавно вы были неважный, //Пропаший профессор-пошлец, //Теперь же вы просто продажный //И в гору идущий подлец (Н.П.Огарев); Ты целый свет уверить хочешь, //Что был ты с Чацким всех дружнее. //Ах ты бесстыдник, ах злодей! //Ты и живых бранишь людей, //Да и покойников морочишь (О.М.Сомов либо П.А.Вяземский).**

Используемые в эпиграммах пейоративные глаголы в большинстве своем имеют разговорную и просторечную окраску: «Он врал – теперь не врет». // *Вот эпитафия, когда Бурун умрет (И.И.Дмитриев); И сочиняют – врут, и переводят врут! //Зачем же врете вы, о дети? Детям прут! //Шалите рифмами, нанизывайте стопы, //Уж так и быть, – но вы ругаться удалцы! //Студенческая кровь, казенные бойцы! //Холопы «Вестника Европы!» (А.С.Грибоедов); *Напрасно называешь //Писателем себя. //Я это докажу: бумагу ты мараешь, //Бумага в свой черед марает и тебя (Писарев).**

В целях создания негативной характеристики адресата в эпиграммах широко используются глаголы живой разговорной речи: *взбеситься, вопить, выть, поносить (бранить), жрать, обожраться, тошнить, пронести (поносом), сбрыкать, загадить* и другие: «Что на Жуковского наш Шутовской взбесился? // Жуковский трогал ли когда-нибудь его?» // – «А как же? Асмодей в балладах у него, – // Так комик за себя за самого вступился» (А.Е.Измайлов). Адресат эпиграммы – А.А.Шаховской, осмеявший Жуковского в комедии «Урок кокеткам, или Липецкие воды». Асмодей – черт, персонаж баллад Жуковского «Громобой» и «Вадим», известных под общим названием «Двенадцать спящих дев». *Окончится ль когда парнасское роптанье? //Во драме скаредной явилось «Воспитанье», //Явилося еще сложение потом: //Богини дыни жрут, Пегас стал, видно, хром, //А ныне этот конь, шатаясь, тупея, //Не скачет, не летит — ползет, тащит «Помпея» (А.П.Сумароков); *Лежащий в гробе сем почти весь век свой жрал. //Как смерть незваная пришла к нему вдруг в гости. //Он, верно б, и ее убрал, //Но, по несчастью, нашел в ней только кости (П.П.Сумароков); *Лежит тут старый поп, он всё кутью едал! //Доходы все один церковные собирал. //Он кашей и кутьей так много обожрался, //Что с светом оттого навеки он расстался (Неизвестный автор); *Печати русской доброхоты, //Как всеми вами, господа, //Тошнит ее – но вот беда, //Что дело не дойдет до рвоты (Ф.И.Тютчев); *Он, с политической и с нравственной сторон //Вникая в нашу жизнь, легко с задачей сладил. //То сердцем, то умом в своей газете он, //Всего касаясь, всё загадил (А.М.Жемчужников).*****

Таким образом, несмотря на разные индивидуальные стили, экспрессивно-оценочные языковые средства являются неотъемлемым стилистическим признаком эпиграммы как жанровой формы художественной речи. Широкое употребле-

ние пейоративных разговорных и просто- экспрессивных значений, посредством речных языковых средств в эпиграммах которых создается обличительная характеристика адресата. связано с наличием у них эмоционально-

Примечания:

1. Стилистика русского языка / под ред. Н.М. Шанского. Л.: Просвещение, 1982. 286 с.
2. Князькова Г.П. Русское просторечие второй половины XVIII в. Л.: Наука, 1974. 254 с.
3. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. М.; Л.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1958. 459 с.
4. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 143 с.
5. Киселева Л.А. Некоторые проблемы изучения эмоционально-оценочной лексики современного русского языка // Проблемы русского языкознания. Ученые записки ЛГПИ им. А.И.Герцена. Л., 1968.
6. Харченко В.К. Разграничение оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности в семантике слова // Русский язык в школе. 1976. № 3. С. 66-70.
7. Нестеров М.Н., Шипилов В.А. Стилистика русской басни (функционально-жанровый аспект). Армавир: Изд-во АГПИ, 1998. 165 с.
8. Цикушева И.В. Лингвистические средства создания комического эффекта в сказках // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. 2009. Вып. 1. С. 86-89.

References:

1. The stylistics of the Russian language / Ed. N.M. Shansky. L.: Prosveshchenie, 1982. 286 pp.
2. Knyazkova G.P. Russian colloquial language of the 2d half of the 18th century. L.: Nauka, 1974. 254 pp.
3. Galperin I.R. Essays on English stylistics. M.; L.: Publishing House of foreign languages literature, 1958. 459 pp.
4. Teliya V.N. Connotative aspect of semantics of nominative units. M.: Nauka, 1986. 143 pp.
5. Kiselyova L.A. Some problems of studying emotive vocabulary of modern Russian. // The problems of Russian linguistics. Proceedings of the LSPI named after A.I. Gertsen. L., 1968.
6. Kharchenko V.K. The differentiation of evaluation, figurativeness, expression and emotivity in word semantics // Russian language at school. 1976. № 3. P. 66-70.
7. Nesterov M.N., Shipilov V.A. The stylistics of a Russian fable (functional and genre aspect). Armavir: The publishing House of the ASPI, 1998. 165 pp.
8. Tsikusheva I.V. Linguistic means of creating comical effect in fairy tales // The Bulletin of the Adyge State University. Series Philology and the Arts. 2009. Issue 1. P. 86-89.